

DOI: 10.17805/ggz.2018.2.3

**Чума в тезаурусах монголов, европейцев и русских:
биосоциологическое и культурологическое исследование**

Т. Дорждагва

Монгольский национальный университет,

Е. А. Туринцева

Иркутский государственный университет,

В. А. Вишняков

*Иркутский научно-исследовательский противочумный институт
Сибири и Дальнего Востока*

В статье показано восприятие чумы монголами, европейцами и русскими с позиций биосоциологического и тезаурусного подходов.

Исследование выявило, что тезаурус обладает свойством природосообразности. В тезаурусе монголов чума не страшная болезнь, потому что она «от природы», а не «от людей», т. е. имеет естественное происхождение. У европейцев чума очень страшная — поскольку в Европе естественных очагов нет, и чума происходит именно «от людей», а не «от природы». Кроме того, легочная форма чумы, свирепствовавшая на территории Европы, не оставляла шансов на спасение. У русских отмечается практическое отношение к чуме, ввиду того, что исторические русские сформировались на границе естественного распространения чумы, но все-таки на достаточном удалении.

Ключевые слова: биосоциология; тезаурусный подход; чума; восприятие болезни; болезнь в культурах разных народов

**Plague in the Thesauri of Mongols, Europeans and Russians:
A Biosociological and Culturological Study**

T. Dorzhdagva

National University of Mongolia,

E. A. Turintseva

Irkutsk State University,

V. A. Vishniakov

Irkutsk Antiplague Research Institute of Siberia and Far East

The article presents the perception of plague by Mongols, Europeans and Russians from the standpoints of the biosociological and thesaurus approaches.

The study has revealed that thesaurus tends to be nature-aligned. In Mongols' thesaurus plague is not a cruel disease, because it is "by nature" and not "by people", i.e. it is of natural origin. In Europeans' opinion, plague is very horrible, because there is no natural focus of the disease and plague originates precisely "from people" and not "from nature". In addition, the pulmonary form of plague that was rampant in Europe left no chances for recovery. Russians have a practical attitude towards plague, because of the fact that historical Russians were formed as a nation on the border of the natural spread of plague, but still at a sufficient distance.

Keywords: biosociology; thesaurus approach; plague; perception of disease; disease in cultures of different peoples

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время становятся все более актуальными исследования своеобразия цивилизаций, этносов, культур, их отличий в восприятии окружающей реальности. В рамках данных тенденций находится научный интерес к проблеме отношения человека и болезни, притом что болезнь понимается не с медицинской точки зрения, а как феномен культуры. В данной статье мы предприняли попытку проанализировать восприятие опасного инфекционного заболевания — чумы — монголами, русскими и европейцами, и особенности формирования образа чумы в тезаурусах представителей этих народов.

Методологически мы опираемся на биосоциологический подход, разрабатываемый социологической школой Московского гуманитарного университета (Луков, 2013), который исходит из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и общества. Биосоциология отличается от сформировавшихся ранее концепций социобиологии, базирующихся на идеях социал-дарвинизма. Она строится с применением общеметодологического тезаурусного подхода, раскрывающего основания активной роли социального субъекта в социальном и культурном развитии (Луков В., Луков Вл., 2014). Важно отметить, что тезаурусный подход, широко используемый сегодня для анализа культурных феноменов, еще не достаточно освоен для изучения биосоциальных явлений, таких, например, как болезнь. Мы видим глубокий эвристический потенциал и большую перспективу для применения данного подхода в этой области.

МЕСТО ЗНАНИЙ О ЧУМЕ В СТРУКТУРЕ ТЕЗАУРУСА

Тезаурус представляет собой полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, либо расширяющих понимание субъектом

себя и мира (там же). Таким образом, тезаурус имеет два основных назначения — ориентация в окружающей среде, отслеживание изменений, и саморазвитие, создание нового — как ответ на изменившиеся условия. То и другое в совокупности дает возможность быстрой и эффективной адаптации к меняющимся условиям, способствует выживанию в широком смысле, в индивидуальном или коллективном формате (как выживание потомков, семьи, этноса).

Принципиально наполнение тезауруса ничем не ограничено. Однако человек производит сознательный или бессознательный отбор информации (знаний), поскольку далеко не вся поступающая информация необходима для успешной адаптации. Те же операции, в целом, производят и другие виды живых существ. Мы предполагаем в данной работе не принимать во внимание информацию от наших органов чувств, информацию врожденных программ поведения и др. виды информации, биологичность которых лежит на поверхности, а сосредоточиться на тех видах знаний, входящих в тезаурус, которые могли бы считаться «чисто человеческими». В этом смысле знание о болезни вообще и о чуме, в частности, возможно, лучший пример. С одной стороны, чума — явление природное, отражающее природное взаимодействие, проявляющееся биологическими (телесными) симптомами, имеющее конкретную биологическую основу (возбудителя) и т. д. С другой стороны, «переживание» чумы есть, несомненно, культурный, чисто человеческий опыт различных этносов и культур. Современное мировое символическое пространство наполнено европейской «эпохой чумы» — даже европейская смерть ходит не в белых одеждах, а в черных — очевидно, это происходит от вида тела человека, погибшего от легочной формы чумы — оно чернеет — отсюда и европейское название самой болезни — «черная смерть».

В настоящее время чума, как болезнь, хорошо изучена, созданы различные виды вакцин, разработаны способы вакцинации. Однако опасность возникновения эпидемии остается. Так, «в 2010–2015 гг. во всем мире было зарегистрировано 3248 случаев заболевания чумой, в том числе 584 случая смерти» (Чума, 2017: Электронный ресурс). Более того, возможный поражающий эффект пандемии усиливается в современном мире в связи с наличием быстрых транспортных систем, концентрацией населения в городах и, следовательно, потенциальной возможностью быстрого распространения болезни.

Таким образом, чума и как природный (биологический) фактор и как культурный феномен, является неотъемлемым элементом социальной реальности не только в прошлом, но и в настоящем и находит свое отражение в тезаурусах субъектов социальной реальности.

*ЧУМА В ТЕЗАУРУСЕ МОНГОЛОВ —
«НЕСТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ»*

Основа систематизации знаний в тезаурусе строится по модели от своего к чужому. Свое является центральным понятием, вбирая в себя общее, а основным «пространственно» дифференцирующим принципом тезауруса является триада «свое-чужое-чуждое». Отсюда, как пишет Вал. А. Луков, «саморегуляция в тезаурусе представлена целым спектром возможностей по поддержанию ориентационной и развивающей функций. И тем не менее этот сложный агрегат имеет в качестве исходных три действия, отражающих механизмы саморегуляции, а именно: поддержание *своего*, освоение *чужого*, исключение *чуждого*» (Луков, 2018: 237; курсив наш. — Т. Д., Е. Т., В. В.).

Любое природное явление, состояние, ландшафт, отраженные в тезаурусе, на наш взгляд, могут быть рассмотрены с тех же позиций. Именно так возникают «русская березка» или отвращение к тропическим растениям, описанное в путешествиях на о. Ява видного русского ботаника А. Н. Краснова, отмечающего значение традиции для повседневных восприятий в книге «Под тропиками Азии» (Краснов, 1956). Болезнь как природное явление, думается, должна обладать теми же свойствами, однако, болезнь наподобие чумы, носящая эпидемический характер с высокой степенью летальности, логически не должна вызывать никаких ассоциаций со своим.

Между тем, монгольские (и бурятские, забайкальские — в степных районах) легенды содержат информацию об обратном. Приведем сюжет одной из таких легенд: жил некогда на земле меткий стрелок. Он ходил по степям из края в край и хвастал, что никого не боится, потому что нет в мире другого охотника, который стрелял бы также метко, как он. Раз в высокой траве он повстречал хмурого всадника и расхвастался, по своему обычаю, не зная, что перед ним — бог. Чтобы показать свое мастерство, охотник выстрелил в ласточку на лету и выбил среднее перо из ее хвоста (с тех пор у ласточек раздвоенный хвост). Бог, увидев это, рассердился и повелел охотнику стать сурком — тарбаганом, охотиться только летом, а зимой спать. Уходя в землю (в нору), охотник сказал: «Я беру стрелу с собой. Горе людям, которые станут тревожить меня! Стрела будет их убивать!»

Таким образом, чума (разящая стрела в легенде) изначально принадлежала охотнику-монголу, была «своей».

Содержал тезаурус монголов также и сведения о необходимом поведении в момент чумной вспышки — общение с неблагополучными юртами немедленно прекращалось, а черный флажок на юрте означал, что к ней нельзя приближаться. Однако родственники не бросали безнадежных больных и продолжали ухаживать за ними. В этой связи в моменты эпидемии наблюдалась гибель относительно небольшого числа людей (десятки, но не сотни) в

каждом конкретном месте, как правило, членов одной семьи. Болезнь была, следовательно, осознаваема как опасная, но, не воспринималась как полная катастрофа.

Отношение к источнику чумы — степному сурку тарбагану в Монголии складывалось двояко. С одной стороны, тарбаган — известное лакомство, желанная добыча охотника. С другой стороны, вспышки болезни издавна связывались монголами с этими зверьками, о чем свидетельствует монгольское название чумы — «тарбаганья болезнь».

Сегодня, когда, благодаря созданной в СССР развитой службе противочумных станций и институтов, чума находится под контролем и в памяти не менее трех поколений связана только с прошлым, превалирует первое отношение к сурку — как к охотничьему трофею. Несмотря на существующий запрет, местное население активно добывает тарбаганов, готовит мясо и обрабатывает шкуры, подвергая опасности себя, своих близких и окружающих.

Имеет значение в формировании образа чумы в тезаурусе населения Монголии и наиболее распространенная в среде современных монголов религия — буддизм, который, как известно, предполагает предопределенность событий жизни человека от рождения до смерти, в какой бы форме не явилась последняя. Если причиной смерти стала чума — что ж, так суждено.

Таким образом, у современных монголов в тезаурусе, как в ментальной структуре, придающей смысл обыденным действиям людей, опасность чумы отодвинулась на задний план, сведена, практически к нулю. Опрошенные нами респонденты в Монголии назвали чуму «не страшной болезнью», поскольку она происходит от природы. Куда большую опасность с их точки зрения представляет собой, например, происходящий «от людей» сифилис.

ЧУМА В ТЕЗАУРУСЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ — «СТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ»

Совершенно другое отношение к чуме сложилось у европейцев. А. С. Пушкин в повести «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» описал восприятие чумы местным населением и отличие его от европейского. Главный герой слышит слух о вспышке чумы в военном лагере и из любопытства вместе с лекарем отправляется туда. В лагере он видит чумных больных и обращает внимание на «двух турков, которые выводили его (больного. — *Т. Д., Е. Т., В. В.*) под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк» (Пушкин, 1960: 460). Главный герой говорит: «Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия...» (там же). Причина формирования такого восприятия чумы в тезаурусе европейцев очевидна — чума занимала первую строчку в их тезау-

русной топике на протяжении десятков лет — поскольку означала неминуемую смерть и напрямую была связана с проблемой выживания.

В структуре тезауруса особую роль играют концепты — некоторые ментальные сращения образа и понятия, окрашенные эмоционально. Для уточнения концепта чумы в европейской культуре сравним русское и европейское название болезни. Русское название болезни «чума» происходит от турецкого “*cuma*” — «шишка», что отражает состояние больного при внешнем осмотре: подмышечные и паховые лимфоузлы при заболевании чумой вздуваются, достигая размера апельсина. Однако, в английском языке чума известна как *plague*. Слово “*plague*” имеет следующие значения: относящиеся к болезни — эпидемия, мор, язва, зараза, — кроме того, — бедствие, нашествие, напасть, наказание, казнь, кара, неприятность, проклятие, беспокойство. Такое разнообразие не случайно указывает на большую опасность, ведь пандемии чумы дважды не менее чем на треть сократили население Европы. Спасения от чумы практически не было. В этой связи в названии меньше внимания уделяется внешним признакам болезни, а больше — ее печальным последствиям.

В отсутствие природных очагов чумы на территории Европы, появление болезни было внезапным для населения. К тому же, европейские пандемии являли собой легочную форму чумы, распространяющуюся воздушно-капельным путем, т. е. совершенно мистически с точки зрения европейца времен императора Юстиниана (Юстинианова чума) и Средневековья («черная смерть»). Чума, следовательно, была абсолютно не «своей», но «чужой» в момент проникновения на Европейский континент. Однако позже, не смотря на всю трагедию происходящей эпидемии, чума не становится чуждой. Напротив, она осваивается и развивается как феномен в культуре и входит в тезаурус как своя, но не в реальной форме болезни, а виде набора символов чумы. На карнавалах мы видим маски чумного доктора, СПИД объявляется «чумой XX века» и т. д. В современной Европе концепт чумы поддержан элементами материальной и духовной культуры — очень часто в городах можно увидеть «чумные столбы» — памятники, установленные в свое время в честь избавления от эпидемии чумы, до сих пор проводятся различные праздники, рассказывающие об этом страшном событии.

Таким образом, чума в тезаурусе современных европейцев — «страшная опасность, которая была когда-то давно и больше не повторится» (в настоящее время угроза отсутствует), но также и символический набор, связанный как с пережитой эпидемией чумы, так и с современностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У русских отмечается практическое отношение к чуме. Это тоже тезаурусная конструкция болезни. Она установилась, ввиду того что исторические русские сформировались на границе естественного распространения чумы, но все-таки на достаточном удалении. Свою роль сыграл тот факт, что, будучи земледельцами, русские не часто контактировали с потенциально опасными животными (степные грызуны), а привнесенные эпидемии достаточно скоро останавливались в результате применения жестких противоэпидемических организационных мер.

Для всех сегодня чума представляется преодоленной (было давно), хотя на самом деле потенциальная опасность сохраняется. Тезаурусный подход позволяет выявить различие возникшего в разных частях Евразии образа болезни, иногда противоположного, но отражающего особенности культурных ареалов, в которых он складывался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Краснов, А. Н. (1956) Под тропиками Азии. М. : Географгиз. 262 с.
- Луков, В. А. (2013) Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 430 с.
- Луков, В. А. (2018) Тезаурусная социология : в 4 т. : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 1. 608 с.
- Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2014) Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 18–35.
- Пушкин, А. С. (1960) Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ. Т. 5: Романы, повести. 663 с. С. 412–462.
- Чума (2017) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. 31 октября. URL: <http://who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/plague> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org)] (дата обращения: 20.03.2018).

Дата поступления: 22.03.2018 г.

Дорждагва Тогооч — доктор философских наук, профессор Института социальных наук Монгольского национального университета. Адрес: Монгол улс, Улаанбаатар хот 210646, ш/х 377, Сүхбаатар дүүрэг, Залуучуудын өргөн чөлөө 1. Тел.: 976-11-325435, 77307730-2100, 77307730-2101. Факс: 976-11-320159. Эл. адрес: sas@num.edu.mn

Туринцева Елена Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Иркутского государственного университе-

та. Адрес: 664009, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1, к. 302. Тел.: +7 (3952) 20-02-05, +7 (3952) 24-33-72. Эл. адрес: e_turin05@mail.ru

Вишняков Владимир Александрович — кандидат медицинских наук, заведующий отделом Иркутского научно-исследовательского противочумного института Сибири и Дальнего Востока. Адрес: Россия, 664047, г. Иркутск, ул. Трилиссера, 78. Тел.: +7 (3952) 22-01-38. Факс: +7 (3952) 22-01-40. Эл. адрес: adm@chumin.irkutsk.ru

Dorzhdagva Togooch, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Social Sciences, National University of Mongolia. Postal address: P.o. box 377, 1 Avenue of Youth, 210646 Ulaanbaatar, Mongolia. Tel.: 976-11-325435, 77307730-2100, 77307730-2101. Fax: 976-11-320159. E-mail: sas@num.edu.mn

Turintseva Elena Anatolievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Work, Irkutsk State University. Postal address: Office 302, 1 Karl Marx St., 664009 Irkutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3952) 20-02-05, +7 (3952) 24-33-72. E-mail: e_turin05@mail.ru

Vishniakov Vladimir Aleksandrovich, Candidate of Medicine, Head of a Division, Irkutsk Antiplague Research Institute of Siberia and Far East. Postal address: 78 Trilissera St., 664047 Irkutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3952) 22-01-38. Fax: +7 (3952) 22-01-40. E-mail: adm@chumin.irkutsk.ru

Для цитирования:

Дорждагва Т., Туринцева Е. А., Вишняков В. А. Чума в тезаурусах монголов, европейцев и русских: биосоциологическое и культурологическое исследование [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 27–34. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/761> DOI: 10.17805/ggz.2018.2.3